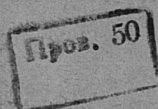

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ОДИННАДЦАТЫЙ.

1890.

Ноябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.

1890.

Русская колонизація въ Туркестанскомъ краѣ.

I.

Въ 1885 году военно-ученымъ комитетомъ главнаго штаба изданъ проектъ отчета бывшаго туркестанскаго генераль-губернатора Кауфмана, по гражданскому управленію и устройству въ областяхъ этого генераль-губернаторства за время съ 7 ноября 1867 года по 25 марта 1881 года.

Въ предисловіи къ этому историческому документу сказано, что „по случаю тяжелой болѣзни генерала Кауфмана, отчетъ остался неоконченнымъ, но нѣкоторые отдѣлы были имъ прочитаны и одобрены. Представляя прекрасный матеріалъ для ознакомленія съ административнымъ устройствомъ края, отчетъ этотъ даетъ очень много драгоцѣнныхъ свѣдѣній“.

Мы совершенно согласны съ этимъ мнѣніемъ военно-ученаго комитета. Имя К. П. Кауфмана, какъ перваго устроителя края, пользуется заслуженною извѣстностью. Если и были дѣлаемы какія-нибудь крупныя ошибки, то онѣ неизбежны въ дѣлѣ совершенно новомъ, безъ всякихъ предшествовавшихъ опытовъ и указаній.

Прежде всего посмотримъ, какими основными принципами руководствовался генераль-губернаторъ въ управленіи краемъ, только-что завоеваннымъ, съ населеніемъ болѣе, чѣмъ въ три милліона, совершенно чуждымъ намъ и по происхожденію, и по вѣрѣ, и по языку.

Видя напоръ мусульманской иммиграціи, пропитанной фанатической пропагандой съ сѣвера со стороны оренбургскихъ,

симбирскихъ и казанскихъ татаръ и съ юга со стороны сартовскаго населенія и сознавая свое безсиліе бороться съ этимъ зломъ, разѣдающимъ степное населеніе края и въ религіозномъ и въ экономическомъ отношеніи, генераль Кауфманъ, въ своемъ отчетѣ говорить, что „мусульманскія вліянія въ степи и наиболѣе желательныя отношенія къ нимъ со стороны русской администраціи могутъ быть разъясняемы не иначе, какъ на почвѣ общихъ принциповъ, долженствующихъ быть положенными въ основаніе правительственной въ краѣ политики по отношенію къ мусульманской религіи. Самъ же онъ лично въ 14-ти-лѣтнее свое управленіе считалъ своимъ основнымъ принципомъ выдержанное, послѣдовательное игнорированіе мусульманства съ его фанатическими учрежденіями, усвоенное въ томъ убѣжденіи, что всякая иная система отношеній государственной власти къ мусульманской религіи оказалась бы здѣсь въ краѣ рѣшительно непригодною“.

Кто знаетъ сложный характеръ и всю разностороннюю и многообразную дѣятельность К. П. Кауфмана, тотъ легко догадается, что онъ не могъ забыть всѣхъ неудачъ въ сѣверо-западномъ краѣ по распространенію православія. Тамъ онъ былъ ревностнымъ сторонникомъ и покровителемъ пропаганды. Она велась не всегда умѣлымъ и благоразумнымъ образомъ разными лицами. Эти дѣятели иногда вводили въ заблужденіе еще мало искушившагося въ гражданской администраціи и знаніи людей и потому довѣрчиваго Кауфмана и навлекали на него довольно тяжелыя нареканія. Помня это, онъ, повидимому, вдался въ другую крайность и рѣшилъ совершенно игнорировать мусульманство, среди котораго ему пришлось дѣйствовать. Мнительность свою предъ этимъ новымъ факторомъ, ему еще мало извѣстнымъ, онъ довелъ до того, что, ставя инспектору народныхъ училищъ въ обязанность посѣщать не только русскія, но и мусульманскія школы, онъ въ то же время далъ словесное приказаніе не осмѣливаться и заглядывать въ послѣднія, чѣмъ несомнѣнно ослаблялъ бодрость своихъ подчиненныхъ и на оборотъ поднималъ духъ мусульманскихъ дѣятелей и во всѣхъ колебалъ уваженіе къ своему авторитету.

Кауфманъ старался оправдывать себя слѣдующими соображеніями. „Принявъ въ основу своихъ взглядовъ и дѣйствій идею вѣротерпимости, отличавшую издревле политику русскаго государства и укрѣпившуюся особенно въ царствованіе Императора Александра II, я въ то же время считалъ своей обязанностью

отклонить рѣшительно всѣ попытки со стороны уфимскаго татарскаго духовенства и духовенства здѣшнихъ большихъ городовъ — организовать и поставить на твердую оффиціальную почву мусульманскія религіозныя учрежденія. Я удалилъ указныхъ муллъ, присланныхъ изъ Уфы, по распоряженію тамошняго главнаго муфтія, отмѣнилъ всѣ начатыя до меня оффиціальныя сношенія нашихъ властей съ мусульманскими туземными учрежденіями и устранился, даже отступивъ отъ буквы временнаго Положенія 1867 года, отъ признанія и утвержденія новыхъ вакуфныхъ пожертвованій. Но, не предоставляя такимъ образомъ туземному и татарскому духовенству никакой оффиціальной іерархической роли при новомъ порядкѣ управленія краемъ, я въ то же время не позволилъ себѣ и ввести въ *необходимый* надзоръ мѣстной администраціи надъ темной дѣятельностью этого *средняго* класса нашихъ подданныхъ ничего такого, что могло бы быть въ народномъ сознаніи сочтено за гоненіе или угнетеніе нами господствующаго въ странѣ вѣроисповѣданія, убѣжденный, что и гоненія, какъ и покровительство туземной духовной корпораціи со стороны русскаго правительства, лишь послужили бы одинаковымъ образомъ къ несогласному съ интересами нашими возвышенію дѣйствительнаго вліянія и значенія мусульманскаго духовенства“.

Мы считаемъ необходимымъ остановить вниманіе читателя на этомъ мѣстѣ. До чего мы мало знакомы съ управляемыми нами инородцами, лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что генералъ-губернаторъ, послѣ 14 лѣтняго управленія краемъ, говоритъ о какомъ-то мусульманскомъ духовенствѣ, котораго между тѣмъ у мусульманъ, точно также какъ и у евреевъ, вовсе не существуетъ. Мы сами навязываемъ имъ этотъ наиболее враждебный намъ классъ народа.

„Установившись на этой системѣ дѣйствій относительно мусульманской религіи въ краѣ, я, продолжаетъ генералъ Кауфманъ, не считалъ благоразумнымъ принимать какія-либо мѣры къ запрещенію степнаго миссіонерства ходжамъ и мулламъ, тѣмъ болѣе, что, управляя населеніемъ чрезъ туземную мусульманскую администрацію, мѣстная власть и не въ силахъ была бы сдѣлать что-нибудь положительное въ смыслѣ искорененія пропаганды. Неумѣлые же приемы, въ видахъ ограниченія мусульманскаго прозелитизма, при малѣйшей ошибкѣ, могли бы только раздражать населеніе, касаясь грубо его вѣрованій и роняя неизбежно самое достоинство нашей власти.“

Пропаганда же, становясь тайною, запретною, преслѣдуемою, при такомъ отношеніи власти, безъ сомнѣнія, не только не ослабѣла бы, но напротивъ выросла бы въ своемъ значеніи и получила бы силу, какой она никогда не достигнетъ въ дѣйствительности, если будетъ, какъ нынѣ, оставлена въ темной сферѣ, подрываемая обманами, поборами, эксплуатаціею невѣжественнаго большинства вѣроучителей, при полномъ къ ней равнодушіи власти“.

Если генераль Кауфманъ такъ робко относился къ главной пружинѣ механизма существованія всего завоеваннаго нами края, т. е. къ мусульманской религіи, намъ враждебной, на что же онъ возлагалъ надежды для сліянія его съ страной, его покорившей? Послушаемъ, что онъ говоритъ лично самъ въ своемъ отчетѣ.

„Независимо отъ успѣховъ русской колонизаціи, которая при лучшемъ устройствѣ казачьихъ и крестьянскихъ отношеній къ кочевникамъ окажетъ современемъ (?) прямое воспитательное вліяніе на массу туземнаго населенія, уже возникаетъ въ краѣ и русская народная школа, откуда могутъ выйти наиболѣе вѣрныя и положительныя орудія наши въ борьбѣ съ мусульманскимъ фанатизмомъ и невѣжествомъ туземнаго населенія, и для укрѣпленія нравственныхъ связей туземнаго общества съ новымъ порядкомъ и новымъ его отечествомъ“.

Итакъ, опасаясь затронуть мусульманство даже необходимымъ надзоромъ за вредной дѣятельностью вѣроучителей въ школахъ, чтобы народная масса не приняла этотъ надзоръ за угнетеніе или гоненіе своей вѣры, правитель края возлагаетъ все свои надежды главнымъ образомъ на русскую школу и русскую колонизацію. О пропагандѣ христіанства онъ, какъ видно изъ всего тона его рѣчи, боялся даже и подумать, хотя это не было бы противузаконно по отношенію къ господствующей вѣрѣ, и напротивъ того, не останавливалъ мусульманской пропаганды между кочевымъ населеніемъ, хотя это положительно противно закону, запрещающему всякую ино-вѣрную пропаганду. Нѣкоторые изъ нашихъ администраторовъ свою вѣротерпимость простирали до того, что ходили съ муллами въ мечети, по случаю открытія туземныхъ училищъ, заставляя ихъ служить молебны, которыхъ у нихъ и по ритуалу нѣтъ, а по возвращеніи изъ мечети спрашивали, какіе обряды у нихъ совершаются послѣ молебна. Въ угожденіе имъ, муллы, при-

способляясь къ нашимъ обрядамъ, мазали бараньей кровью окна и двери жилища. Другіе же старались рисоваться при открытіи новыхъ мечетей, думая, что этимъ они приносятъ огромную услугу отечеству, служа своей вѣротерпимостью къ сближенію мусульманства съ христіанствомъ. А между тѣмъ только возбуждали этимъ неудовольствіе правовѣрныхъ мусульманъ, что и понятно, если поставить себя на ихъ мѣсто. Но у насъ нѣкоторые находили въ этомъ чуть ли не мудрость Соломона.

Съ того времени, какъ написаны эти строки, прошло уже около 10 лѣтъ. Оправдались ли расчеты и надежды Кауфмана на безвредность и безопасность мусульманской пропаганды въ степяхъ, предоставленной свободному своему теченію? Къ глубокому сожалѣнію, надо сказать, что совершенно не оправдались, и основаны они были не на жизненныхъ явленіяхъ, а на произвольныхъ теоретическихъ соображеніяхъ. Яростная пропаганда мусульманства, не встрѣчая никакого антагонизма даже со стороны кроткой миссіонерской христіанской дѣятельности, рѣшительно затопляетъ степь ¹⁾ и изъ добродушнаго пастушескаго кочеваго населенія дѣлаетъ намъ враждебное населеніе, тогда какъ при распространеніи между ними христіанства оно могло бы быть нашимъ оплотомъ противъ разлива средне-азіатскаго фанатизма и изувѣрства. Что это именно такъ, мы ссылаемся на вышедшую въ 1889 году книгу: „*Досуги въ Туркестанѣ*“, Арндаренко. Авторъ ея туркестанскій старожилъ, бывшій много лѣтъ уѣзднымъ начальникомъ въ Самаркандѣ, превосходно изучившій край и мѣстныя нарѣчія. Онъ со страхомъ говоритъ объ угрожающей намъ бѣдѣ отъ нашествія на степь мусульманскихъ *шайановъ*, фанатиковъ, разныхъ орденовъ дервишей, разоряющихъ, развращающихъ и вооружающихъ противъ насъ кочевое населеніе. А его вѣдь около 2 милліоновъ. Мы еще возвратимся къ этому капитальному сочиненію послѣ, въ особой статьѣ.

Но сколько же Кауфманъ устроилъ за все время своего управленія краемъ русскихъ школъ для сближенія съ нами туземцевъ и сколько русскихъ поселеній съ цѣлью обрусѣнія края?

¹⁾ Киргизы жалуются еще, что ихъ затопляютъ чиновники чернилами.

Собственно въ Туркестанскомъ краѣ, не включая сюда Семирѣченской области, послѣ Кауфмана осталось 28 русскихъ школъ, считая въ томъ числѣ 2 гимназіи и 1 учительскую семинарію. Всѣ эти училища, устроенныя по общимъ типамъ городскихъ и приходскихъ школъ, назначались и годились только для русскаго населенія, прибывшаго сюда по завоеваніи края, хотя въ эти училища не воспрещалось поступать и туземцамъ. Но въ этихъ школахъ они не нуждались, имѣя для своихъ надобностей болѣе 4.000 своихъ собственныхъ вышнихъ и низшихъ школъ—медресе и мектебе. Собственно же для сближенія туземцевъ съ русскими, нарочно приспособленныхъ школъ при Кауфманѣ не было устроено ни одной, а въ русскихъ школахъ при немъ не училось ни одного сарта и только нѣсколько десятковъ киргизъ жило въ интернатахъ при городскихъ училищахъ, гдѣ они надрывали свои силы безъ всякой пользы въ преодоленіи непригодныхъ для нихъ учебныхъ программъ. Только въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ по ходатайству учебного начальства на мѣсто закрытыхъ по безлюдью городскихъ училищъ открыто около 20 начальныхъ школъ собственно для привлеченія туземцевъ къ изученію русскаго языка. Что же значатъ эти жалкія единицы въ сравненіи съ тысячами мусульманскихъ училищъ, пропитанныхъ фанатизмомъ? Какія это орудія для борьбы съ туземнымъ изувѣрствомъ и невѣжествомъ и для слиянія страны покорившей съ страной покоренной!

Не въ лучшемъ положеніи послѣ Кауфмана осталась и русская колонизація. Да недалеко она ушла и до настоящаго времени.

Будемъ говорить словами „Отчета“:

„Первыя крестьянскія просьбы о поселеніи въ Сыръ-Дарьинской области относятся еще къ 1868 и 69 годамъ. Онѣ не могли въ то время получить разрѣшенія какъ потому, что даже въ Семирѣченской области, колонизаціонная дѣятельность въ которой началась еще за 20 лѣтъ до учрежденія Туркестанскаго генераль-губернаторства, вопросъ объ устройствѣ крестьянъ-переселенцевъ былъ новъ и представлялъ немаловажныя трудности къ своему разъясненію, такъ и въ виду совершеннаго незнакомства въ первое время сыръ-дарьинской администраціи съ хозяйственными условіями области. (Какъ будто узнать ихъ было очень трудно). Если уже въ Семирѣченской области свободное распоряженіе землями для надѣленія рус-

скихъ переселенцевъ затруднено было условіемъ необходимой внимательности къ интересамъ кочеваго туземнаго населенія, въ 1847—67 годахъ забытымъ ко вреду киргизъ (которыхъ, по просту сказать, обидѣли) и безъ пользы для самихъ устраивавшихся въ краѣ казачьихъ осѣдлостей (которыя, получая по 100 десятинъ на душу, обратились въ своего рода лѣнныя и развращенныя крѣпостниковъ - помѣщиковъ), то въ Сыръ-Дарьинской области трудности оказывались еще болѣе значительными, такъ какъ, кромѣ интересовъ кочевниковъ, необходимо было не упустить изъ вниманія и правъ туземнаго осѣдлаго населенія. (Еще бы!) За неопредѣленіемъ законнаго порядка регулированія туземнаго землевладѣнія (оно и доселѣ не урегулировано) и невыработанностью правительственнаго общаго взгляда на путь, который далъ бы мѣстной власти возможность взять дѣло оживленія и колонизаціи края въ свое руководящее попеченіе, нельзя было и думать о допущеніи русскихъ переселеній въ оазисы, занятые сартовскими поселеніями. Необходимо было озаботиться подготовкой матеріаловъ для будущаго поземельнаго устройства края въ порядкѣ законодательномъ и до разъясненія общихъ вопросовъ такого устройства отложить практическіе планы и проекты крестьянской колонизаціи въ полосѣ туземныхъ осѣдлостей. Въ виду этого въ проектъ мѣстнаго положенія 1873 года внесены были предположенія и по колонизаціоннымъ вопросамъ, клонившіяся къ устройству русскихъ осѣдлостей въ краѣ. До утвержденія же проекта предѣлы крестьянской колонизаціи ограничены только кочевыми уѣздами съ примѣненіемъ къ дѣлу правилъ, выработанныхъ для Семирѣченской области“.

Фактическое начало крестьянской колонизаціи въ Сыръ-Дарьинской области положено въ 1876 году заселеніемъ трехъ избранныхъ мѣстностей Аулиеатинскаго уѣзда: 1) на урочищѣ Чалдоварѣ, въ Курагатинской долинѣ, по Вѣрнинско-Ташкентскому тракту, въ 3 верстахъ отъ Чалдоварской почтовой станціи поселены 23 семьи крестьянъ изъ Астраханской губерніи; 2) на урочищѣ Сарыкамарѣ, неподалеку отъ г. Аулиеата, поселены 13 семействъ переселенцевъ изъ Воронежской и Астраханской губерній, и 3) на урочищѣ Акчійскомъ, въ верховьяхъ рѣки Таласа, въ 75 верстахъ отъ г. Аулиеата, водворено 7 семействъ. Въ 1879 году въ этихъ первыхъ поселеніяхъ Сыръ-Дарьинской области числилось крестьянъ-переселенцевъ, вмѣстѣ съ поселенными тамъ же запасными и отставными нижними

чинами: въ поселкѣ Чалдоварскомъ 70 душъ, Сарыкамарскомъ—60 душъ и Акчійскомъ 67 душъ, а всего въ 3 поселкахъ 197 душъ. Сверхъ того крестьянъ-переселенцевъ съ отслужившими сроки нижними чинами, отставными и уволенными въ запасъ, причисленныхъ въ мѣщанское сословіе въ городахъ Ауліеата обоого пола 73 души, въ Ташкентѣ 1.277, Ходжентѣ 37, Чимкентѣ 11, Перовскѣ 59, Туркестанѣ 7, Казалинскѣ 379, а всего 1.843 души. Съ поселками же вышеупомянутыми вся русская колонизація составляла не много болѣе 2.000 душъ обоого пола.

Собственно же крестьянъ-переселенцевъ, составляющихъ настоящее ядро колонизаціи, какъ видно, не устроено и 200 душъ обоого пола.

Отставные нижніе чины и крестьяне, приписавшіеся въ мѣщанское сословіе городовъ, никакъ не могутъ быть названы русскими колонизаторами края. Изъ отчета Кауфмана видно, что какъ тѣ, такъ и другіе, въ лучшемъ случаѣ обращались въ кулаковъ-арендаторовъ, а въ худшемъ въ самыхъ жалкихъ лѣнтяевъ и пропойцъ. Даже казаки, поселенные въ Семирѣченской области и надѣленные всѣми благами земными, сами земель не занимались, а отдавали ее въ наймы обобраннѣйшими киргизамъ или пришедшимъ изъ внутреннихъ губерній крестьянамъ. Между тѣмъ изъ отчета видно, что 40% переселявшихся въ Семирѣчье крестьянъ зачислялись въ мѣщанское сословіе и занимались арендованіемъ казачьихъ земель, которыя щедрою рукою раздавались казакамъ по 100 десятинъ на душу. Изъ 820.650 дес. всей занятой въ Семирѣченской области подъ осѣдлость земли, казакамъ принадлежитъ 629.896 десят., крестьянамъ 60.000 десятинъ и только около 170.000 десятинъ туземному населенію области, занимающемуся земледѣліемъ. Отчетъ говоритъ, что плодами такой колонизаціи являлись между казаками праздность, тунеядство на счетъ арендаторовъ и окрестныхъ кочевниковъ, истощеніе земель хищническою, не хозяйственною системою дешевыхъ арендъ и нетерпимая исключительность казаковъ къ туземному населенію. Кауфманъ сознавался, что противъ этой нетерпимости вслѣдствіе сдѣланныхъ въ 1847—67 годахъ ошибокъ въ первоначальномъ земельномъ устройствѣ казаковъ, трудно придумать сколько-нибудь положительныхъ и цѣлесообразныхъ мѣръ.

II.

Въ какомъ положеніи дѣло колонизаціи находится теперь собственно въ Туркестанскомъ краѣ, такъ какъ Семирѣчье теперь къ нему не принадлежитъ?

Мы видѣли, что въ 1879 году было только три крестьянскихъ поселка и всѣхъ колонистовъ въ краѣ около 2.000 душъ. Въ 1889 году, т. е. черезъ 10 лѣтъ, всѣхъ колонистовъ въ краѣ, въ областяхъ Сыръ-Дарьинской, Ферганской и Зарявшанской, уже около 25.000 душъ. Конечно, тутъ считаются не одни крестьяне, занимающіеся земледѣліемъ, какъ видно изъ отчетовъ. Такъ, въ избранныхъ подъ русскія поселенія въ 4 уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области въ послѣднее трехлѣтіе 16 пунктахъ поселилось 2.110 семействъ, всего 9.676 душъ. Въ томъ числѣ въ 1886 году поселилось только 315 семействъ, въ 1887 году уже вдвое больше—789, а въ 1888 году 1.006 семействъ. Изъ нихъ крестьянъ 66%, отставныхъ и запасныхъ нижнихъ чиновъ 27% и мѣщанъ 7%. Такимъ образомъ, крестьянскій элементъ, очевидно, преобладаетъ въ нашей колонизаціи. Онъ-то наиболѣе и желателенъ въ краѣ, ибо отставные и запасные нижніе чины и мѣщане, какъ уже было говорено выше, плохіе колонизаторы.

Но этими 25.000 колонистовъ, очевидно, не можетъ ограничиться число всѣхъ нашихъ переселенцевъ. Отъ такой колонизаціи было бы мало пользы для цѣлей правительственныхъ. Да и сами русскія колоніи скоро бы исчезли въ массѣ туземнаго населенія, какъ капля въ морѣ, какъ это и происходитъ иногда въ Сибири, гдѣ наши крестьяне, живя не гнѣздами, а въ разбродѣ среди инородцевъ, не ихъ ассимилируютъ себѣ, а сами съ ними ассимилируются. Да это явленіе повторяется на нашихъ глазахъ даже и въ Туркестанскомъ краѣ. Такъ, напр., нѣкоторые наши торговцы, находящіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ киргизами, совершенно окиргизиваются и даже заводятъ себѣ по нѣскольку женъ въ разныхъ аулахъ. Если горожанинъ, имѣющій осѣдлость и семью въ городѣ, можетъ окиргизиться, то что же говорить о колонистахъ-крестьянахъ, заброшенныхъ въ какой-нибудь глуши среди массы инородцевъ? Колонизація должна идти какъ армія, стѣной, плечо въ плечо.

Несмотря на всѣ затрудненія, встрѣченныя еще Кауфманомъ въ неопредѣленности поземельныхъ отношеній, и на неустроенность поземельно-податной части и доселѣ, все-таки администраціей принимались мѣры для развитія русской колонизаціи, по крайней мѣрѣ среди кочеваго населенія, гдѣ много свободныхъ земель и гдѣ не можетъ быть никакихъ тяжбныхъ процессовъ о нарушеніи правъ собственности. Такъ, въ 1889 году, избрано и подготовлено было въ Сыръ-Дарьинской области для русскихъ поселеній до 30 новыхъ пунктовъ, въ которыхъ можетъ быть поселено до 2.000 семействъ и не менѣе 10.000 человекъ обоюбого пола. Работы администраціи относительно изысканія новыхъ мѣстъ и намежеванія надѣловъ идутъ безостановочно. Земель, годныхъ для культуры, въ степяхъ много, особенно по берегамъ Сыръ-Дарьи.

По разсчету Кауфмана, четвертая часть степныхъ пастбищъ, т. е. собственно въ краѣ, исключая Семирѣчье, не менѣе 5 милліоновъ десятинъ, можетъ быть распахано подъ земледѣліе безъ стѣсненія кочевому хозяйству, т. е., не сокращая настоящихъ его размѣровъ. Эту огромную площадь земли можно, по его мнѣнію, сдѣлать нетронутымъ запаснымъ фондомъ для дальнѣйшей осѣдлой колонизаціи края. Эта площадь, по его разсчету, способна дать пріютъ для земледѣльческаго населенія не менѣе 1-го милліона дворовъ, т. е. около 5 милліоновъ душъ, но все это возможно только при условіи искусственнаго орошенія, а это орошеніе находится въ наихудшихъ условіяхъ, именно въ степныхъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области, гдѣ наиболѣе свободныхъ и годныхъ для земледѣлія пространствъ. Развалины городовъ и слѣды древнихъ каналовъ, въ связи съ сохранившимися преданіями, указываютъ, что въ древности здѣсь было густое осѣдлое населеніе и что рѣка Сыръ-Дарья питала по обѣ стороны своего теченія большіе искусственные водопроводы. Русское завоеваніе нашло совершенно пустынными нѣкогда заселенные берега и заброшенными древніе каналы, въ которые стало невозможно, изъ текущей по глубокому руслу рѣки, поднимать воду арыками даже въ половодье. Немногочисленные хлѣбопашцы Перовскаго и Казалинскаго уѣздовъ, преимущественно киргизы, поднимаютъ воду, такъ называемыми, чигирями, при чемъ на орошеніе небольшихъ полей нужна бываетъ огромная затрата рабочей силы.

По свѣдѣніямъ 1877 года, приводимымъ въ отчетѣ Кауф-

мана, въ Сыръ-Дарьинской области числилось 94.681 дворъ осѣдлаго населенія и 124.325 кибитокъ кочевниковъ. Земли же подъ осѣдлостью 300.000 десятинъ, подъ пастбищами кочевниковъ и пашнями 18.000.000 десятинъ.

Очевидно, что здѣсь еще много свободныхъ земель, годныхъ для колонизаціи при условіи искусственнаго орошенія.

Для сравненія приведемъ количество земель въ другихъ областяхъ Туркестанскаго края.

Въ Ферганской области, пользующейся обильнымъ искусственнымъ орошеніемъ, благодаря близости горъ и множеству горныхъ ручьевъ и рѣчекъ, осѣдлаго населенія 121.140 дворовъ, кибитокъ кочевниковъ 24.793, подъ осѣдлостью 600.000 десятинъ земли, подъ пашнями и пастбищами кочевниковъ 3.000.000 десятинъ. Въ Зарявшанскомъ округѣ 69.683 двора осѣдлаго населенія, кочевниковъ вовсе нѣтъ, подъ осѣдлостью 191.600 десятинъ, подъ пастбищами и пашнями 1.300.000 десятинъ. Въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ 13.286 дворовъ осѣдлаго населенія, кибитокъ кочевниковъ 8.156, подъ осѣдлостью 45.700 дес., подъ пашнями и пастбищами 1 300.000 десятинъ.

При тѣхъ неблагопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ, о которыхъ нами говорено, т. е. при неопредѣленномъ положеніи правъ и обязанностей землевладѣнія въ густонаселенныхъ южныхъ областяхъ края и при отсутствіи ирригаціи въ сѣверныхъ его частяхъ, наша колонизація, повидимому, можетъ идти только очень тихимъ шагомъ и вѣроятно должна будетъ остановиться на какихъ-нибудь десяткахъ тысячъ душъ, которыя составятъ каплю въ морѣ мѣтнаго населенія и нисколько не будутъ способствовать ни обрусѣнію, ни сліянію края съ Россіей.

Въ самомъ лучшемъ случаѣ такіа разбросанныя и малочисленныя колоніи могутъ служить только развѣ въ родѣ небольшихъ укрѣпленій, въ которыхъ, въ случаѣ нужды, мы могли бы имѣть опорные пункты. Такіе поселки или станицы, будучи хорошо устроены, могутъ сохранить свою національность; иначе они во второмъ или третьемъ поколѣніи рискуютъ ее потерять. Вѣдь нашимъ переселенцамъ всему приходится учиться у туземцевъ. Орошеніе, садоводство, виноградарство, хлопокъ, рисъ, шелководство, баштаны, искусственное лѣсоразведеніе, сѣяніе кормовыхъ травъ—все это они не видѣли у себя дома и все это необходимо изучать, если

желаютъ пользоваться по крайней мѣрѣ такимъ же благосостояніемъ, какимъ пользуются туземцы; иначе незачѣмъ было сюда и переселяться. Мы видѣли нѣсколько нашихъ колоній и, вопреки нѣкоторымъ отчетамъ, нами читаннымъ, не могли за нихъ порадоваться. Поселенцы, живя по нѣсколько лѣтъ, весьма мало переняли отъ туземцевъ ихъ умѣнья пользоваться благами природы, употребляя для того трудъ, капиталъ и знанія. Всѣ они смотрятъ какими-то сиротами, требующими опеки, безъ которой не могутъ обойтись, и нигдѣ не слышали мы, чтобы они находили себя довольными и счастливыми въ своемъ новомъ положеніи. Нигдѣ веселыхъ лицъ и рѣчей. Никто изъ нихъ не пустилъ корней въ новую почву, на которой сѣлъ. Всѣ сейчасъ же готовы сняться съ якоря и двинуться въ новыя страны, гдѣ, по ихъ понятіямъ, чуть-ли не текутъ молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ. Такіе люди никогда не будутъ имѣть здѣсь насиженныхъ мѣстъ и все будутъ куда-то стремиться. Это мы говоримъ о переселенцахъ самыхъ богатыхъ и многочисленныхъ поселковъ, и при томъ переселенцахъ-крестьянахъ. Ихъ колоніи не имѣютъ ничего схожаго съ селеніями туземцевъ: нѣтъ ни садовъ, ни виноградниковъ, ни баштановъ, ни хлопку, ни шелку и т. д. Наши колонисты сѣютъ пшеницу, картофель, косятъ траву и т. д. Однимъ словомъ ведутъ такое же хищническое хозяйство, какое они вели у себя на родинѣ. При плодородіи здѣшней почвы, получая все въ изобиліи, они только сыты и, не имѣя ничего на продажу, не имѣютъ ни гроша на удовлетвореніе другихъ потребностей. Ничего не умѣя предпринять для этой цѣли, они только всемъ надоедаютъ своими жалобами на безденежье и на свое будто бы безвыходное положеніе. Кто-то долженъ ихъ научить добывать деньги, а сами они до этого додуматься не могутъ, хотя предъ своими глазами имѣютъ туземцевъ, которые и сыты, и имѣютъ деньги, продавая на сторону избытки разнородныхъ своихъ произведеній и ведя крайне расчетливо и бережливо все свое хозяйство. Отсутствие солидарности между собою и личной инициативы дѣлаетъ нашихъ колонистовъ, несмотря на ихъ сытость, самыми жалкими людьми. Мы уже не говоримъ о тѣхъ, которые только-что пришли въ край и собираютъ по городамъ милостыню Христа ради, ни о тѣхъ, которые предаются праздности и пьянству.

Это мы говоримъ о переселенцахъ-крестьянахъ. А объ отставныхъ солдатахъ и говорить нечего. Приходится только

повторять объ нихъ слова отчета Кауфмана. Подгородные колонисты изъ солдатъ, обыкновенно, землей вовсе сами не занимаются, а нанимають работниковъ, или отдаютъ въ аренду, а сами покуривають папиросы, сидя у крыльца своихъ домовъ, распивають чай, пиво, водку, а жены и дочери ихъ торгуютъ въ городѣ молокомъ и масломъ и сами собою. Это явленіе тоже нерѣдкое.

III.

Что же за причина такихъ печальныхъ явленій? Никто не хочетъ вѣрить, чтобы нашъ народъ не былъ способенъ къ колонизаціи. Куда его ни заносила судьба: и въ Турціи, и въ Австріи, и на Кавказѣ, и въ Сибири, онъ вездѣ умѣлъ приспособиться и устроить свои поселенія. Да и вся его исторія не оостоятъ ли изъ непрерывнаго заселенія новыхъ мѣстъ? Все расширеніе Россіи во все стороны не носитъ ли чисто колонизаціонный характеръ? Вѣдь она не только завоевывала новыя страны, но и ассимилировала ихъ. Правда, это совершалось не вдругъ, не въ одинъ десятокъ лѣтъ, но совершалось непрерывно. Ядро Россіи постоянно втягивало въ себя все новыя и новыя племена, которыхъ вошло въ ея плоть и кровь безчисленное множество.

Отчего же такъ неудачна наша колонизація въ Туркестанскомъ краѣ? Ужь не потерялъ ли русскій народъ свою ассимилирующую силу? Не изсякло ли его національное творчество, его національный геній?

Нѣкоторые историки-философы говорятъ, что народъ развивается около 1000 лѣтъ и потомъ начинается его увяданіе: онъ теряетъ уже свой творческій геній, наступаетъ упадокъ силъ, старость, дряхлость, смерть. Допускать серьезно такія предположенія по одному явленію неудачной колонизаціи было бы неппростительнымъ легкомысліемъ. Итакъ, лучше поищемъ причинъ этой неудачи не такъ высоко, спустимся пониже и посмотримъ, какъ ведется колонизація въ Туркестанскомъ краѣ.

IV.

Бдемъ мы въ палящій майскій день по большой дорогѣ въ Ауліеата и видимъ близъ дороги въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слѣдующія явленія: крестьянинъ, повидимому малороссъ, обли-

ваясь потомъ, лѣпитъ изъ сыраго кирпича себѣ хату. Кирпичъ тутъ же сушится на солнцѣ, рядомъ стоитъ собачій шалашъ, въ которомъ, согнувшись въ три-погибели, гнѣздится его жена съ ребятами и съ ними вмѣстѣ собака. Ни скота, ни зерна, ни капитала, ни знаній не привезъ съ собою этотъ несчастный труженикъ въ новый край, въ который онъ пришелъ по слухамъ, на авось, чтобы въ немъ поселиться. Одна только тощая лошаденка, на которой онъ притащился за тысячи верстъ, стоитъ повѣся голову около его шалаша. Когда-то онъ построитъ только двумя своими руками свою жалкую хату, когда-то онъ въ нее переберется, а между тѣмъ страшная жара, при отсутствіи надлежащаго крова и питанія, надрываетъ силы и здоровье труженика и его семьи. По близости стоятъ такіе же хаты, въ которыхъ уже живутъ подобные переселенцы. Они сами такіе же жалкіе скитальцы, и вся ихъ помощь заключается только въ томъ, что они не даютъ умереть пришельцамъ съ голоду. Наконецъ хата готова, переселенецъ въ нее перебрался, не давши ей просохнуть. Онъ и его семейство начинаютъ болѣть отъ сырости самыми тяжкими формами лихорадокъ. У него нѣтъ ни земледѣльческихъ орудій, ни сѣмянъ. Администрація выдаетъ ему пособіе въ 25 р., на которые онъ и долженъ всѣмъ обзавестись. Счастливы тѣ переселенцы, которые вынесутъ всѣ испытанія и найдутъ помощь въ сосѣдяхъ. Но сколько времени должно пройти прежде, чѣмъ такое несчастное семейство, измученное физически и нравственно, оправится и станетъ на ноги. При этомъ не нужно опускать изъ виду, что прежде чѣмъ оно добралось до земли обѣтованной, оно въ нее брело цѣлыя тысячи верстъ, нерѣдко не одинъ, а два-три года. Во время этого странствія у него уже истощился весь запасъ и денежныхъ средствъ, и тѣлесныхъ и душевныхъ силъ. Какіе же могутъ выдти колонисты изъ такихъ людей? Развѣ такіе колонисты основывали Сѣверо-Американскую республику, которая ставится образцомъ для подражанія? Туда пріѣхали люди, одушевленные религіей, развитые, трудолюбивые, трезвые, предприимчивые, зажиточные, знающіе страну, составившіе себѣ планъ для дѣятельности, умѣющіе взяться за дѣло и крѣпко связанные между собой взаимнымъ довѣріемъ и уваженіемъ. Такіе колонисты, куда ни придутъ, вездѣ найдутъ себѣ Америку. Подобныимъ колонисты—наши раскольники—устраивали свои образцовыя поселенія не только въ своемъ отечествѣ, но даже и въ нѣмецкихъ и въ мусульманскихъ странахъ.

Вотъ каковы должны быть переселенцы! А въ Туркестанскій край приходятъ развѣ такіе переселенцы? Видѣли мы лучшую и старѣйшую колонію, устроившуюся повидимому при самыхъ благопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ, и что же мы нашли? Колонія существуетъ около 14 лѣтъ и состоитъ болѣе чѣмъ изъ 100 дворовъ. Между тѣмъ всѣ эти православно-русскіе крестьяне не могли сговориться устроить въ своемъ селеніи хоть маленькую церковь, хоть не каменную, а деревянную, и даже хоть въ видѣ палатки, которой остовъ составляють тонкія дощечки, а все остальное состоитъ изъ войлоковъ. Такія палатки находятся предъ глазами, ибо въ нихъ живетъ цѣлую жизнь все кочевое населеніе края. Устроить такую церковь стоило бы нѣсколько сотъ рублей, содержаніе же причта, пока колонія еще недостаточно велика и богата, могла бы принять на себя мѣстная администрація, или въ крайнемъ случаѣ колонисты могли бы обратиться съ своею просьбою къ епархіальному начальству, и даже къ св. синоду. Въмѣсто того поселокъ этотъ былъ приписанъ къ церкви, находящейся отъ него въ 90 верстахъ. Сами колонисты говорятъ, что они живутъ, какъ нехристи. Родится человѣкъ безъ молитвы священника и умираетъ безъ напутствія священника и молитвъ церкви. Гдѣ же бѣдному мужику посылать за священникомъ за 90 верстъ. Нѣсколько разъ въ годъ онъ пріѣзжаетъ для исправленія требъ и совершенія таинствъ. Остальное время православные хрістіане живутъ, по ихъ собственнымъ словамъ, хуже бусурманъ. Тѣ имѣють вездѣ молитвенные дома и мечети и въ каждомъ селеніи своего вѣроучителя-муллу. Наши же крестьяне совершенно отстають отъ церкви, бывая въ ней разъ или два въ годъ, а нѣкоторые и вовсе не бывають и совершенно дичають. Они равнодушно относятся даже къ такому священному обычаю, какъ ношеніе на груди крестовъ, надѣваемыхъ при самомъ крещеніи. Мы видѣли сотни дѣтей, не имѣющихъ этихъ символовъ хрістіанства на своей груди. На нашъ упрекъ отцамъ они отвѣчали, что и негдѣ и не на что купить крестиковъ дѣтямъ. „Есть у насъ хлѣбъ, а денегъ у насъ нѣтъ“, отвѣчали намъ мужики. „Да много ли стоитъ мѣдный крестикъ? Вѣдь менѣе копѣйки“. — „Да и копѣйки въ домѣ нѣтъ“. Вотъ въ какомъ положеніи находится одна изъ самыхъ старыхъ и зажиточныхъ нашихъ колоній!

Намъ рассказывали объ ней слѣдующее. Собрались сюда пришельцы изъ разныхъ губерній. Между ними

нѣтъ ничего общаго, кромѣ земли, на которой они усѣлись.

По счастью, они усѣлись въ 2 верстахъ отъ почтовой дороги въ г. Вѣрный и въ такомъ же разстояніи отъ почтовой станціи. Содержатель станціи богатый сибирскій казакъ, имѣющій массу скота всякаго рода: табуны лошадей, стада крупнаго и мелкаго скота, большіе запашки и покосы. Мѣстность степная у подошвы горъ и потому обильная водою. Этотъ содержатель станціи на первое время надѣлилъ скитальцевъ, пришедшихъ сюда изъ Россіи чрезъ Сибирь, странствовавшихъ нѣсколько лѣтъ и потому совершенно истощенныхъ, не только зерномъ для посѣвовъ, но и рабочимъ скотомъ и даже коровами и овцами, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы они все это возвратили полностью, какъ только поправятся и станутъ на ноги. Все это дано было имъ безъ всякой корысти и безъ всякихъ процентовъ. Администрація выдала имъ съ своей стороны маленькое денежное пособіе и отвела хорошія земли въ совершенно достаточномъ размѣрѣ и оказывала имъ всякое вниманіе. И эта-то наилучше поставленная колонія не додумалась даже устроить для себя хоть маленькую церковь. Администрація наконецъ вступилась въ это дѣло, заставила готовить кирпичи для церкви и устроила для нихъ школу. Теперь и церковь есть, но причта нѣтъ. Идетъ по обычаю длинная переписка объ этомъ предметѣ.

Мы въ свое время совѣтовали имъ соединить должность учителя начальной школы съ должностью приходскаго священника. Но мужики намъ сказали, что они не могутъ дать священнику обезпеченія, какое требуется по штатамъ, утвержденнымъ высшимъ духовнымъ начальствомъ. Епархіальное начальство тоже затрудняется назначить священника безъ надлежащаго обезпеченія, считая обезпеченіе его учительскимъ жалованьемъ и недостаточнымъ и непрочнымъ и оба званія въ одномъ лицѣ съ трудомъ совмѣстимыми. Да наконецъ, учителя въ такія школы назначаются учебнымъ начальствомъ изъ воспитанниковъ учительской семинаріи, находящейся въ Ташкентѣ. А курсъ этой семинаріи не выше курса уѣзднаго училища, священники же нужны съ богословскимъ образованіемъ. Такихъ лицъ на мѣстѣ нѣтъ и приходится съ большими трудностями и расходами выписывать изъ внутреннихъ губерній. На высказанную нами мысль, отчего же бы дорого стоящую учительскую семинарію (болѣе 41.000 р.) не обратить въ ду-

ховную семинарію, которая бы снабжала край и учителями и священниками, свѣдущія лица отвѣчали намъ полнымъ согласіемъ, но дѣло это не отъ нихъ зависить.

Мы рассказали всю эту исторію для того только, чтобы было видно при какихъ общихъ условіяхъ совершается наша колонизація въ Туркестанскомъ краѣ и чего можно отъ нея ожидать при такомъ отношеніи къ дѣлу.

V.

Изъ всего доселѣ сказаннаго мы считаемъ возможнымъ и необходимымъ сдѣлать слѣдующіе выводы. Если мы хотимъ дѣйствительно имѣть хоть немногочисленные, но хорошо устроенныя колоніи въ мусульманскомъ краѣ, которыя могли бы служить намъ хоть не для обрусѣнія, а только точками опоры нашего владычества въ случаѣ какихъ-нибудь неожиданныхъ усложненій, то должны подумать о соблюденіи слѣдующихъ условій.

1) Намѣтивши свободныя земли для поселеній, необходимо входить въ сношенія съ губернаторами или земскими управами о приглашеніи на эти участки вполнѣ благонадежныхъ переселенцевъ. Теперь сюда идутъ большею частью бродяги, отыскивающіе молочныхъ рѣкъ съ кисельными берегами. Идутъ сюда люди безъ знаній, безъ капиталовъ, безъ любви къ труду, къ трезвости, къ бережливости; идутъ не для того, чтобы селиться, устроить свою судьбу, но для того, чтобы сѣсть кому-нибудь на шею и жить какъ несовершеннолѣтнимъ вѣчно подъ чьей-нибудь опекой. Губернаторамъ или земскимъ управамъ должны быть сообщены ясныя и подробныя свѣдѣнія о мѣстахъ для колоній со всеми условіями для ихъ заселенія.

2) Но кромѣ этого самаго главнаго условія, по нашему мнѣнію, важно еще и второе условіе, а именно, для колонистовъ необходимо не только должны быть отведены удобные во всехъ отношеніяхъ участки земли, но и приготовлены для нихъ хоть самыя простыя и незатѣйливыя помѣщенія въ видѣ глинобитныхъ построекъ, которыя должны быть къ ихъ приходу надлежащимъ образомъ просушены.

3) Для переселенцевъ православныхъ необходимо въ каждой колоніи устраивать хоть самую небольшую церковь и для нѣсколькихъ колоній, вблизи другъ отъ друга находящихся,

но не болѣе 20 верстъ, назначать особый причтъ, который обязанъ постоянно обѣзжывать колоніи и совершать богослуженіе въ ихъ мѣстныхъ церквахъ, не заставляя ихъ ходить далѣе 20 верстъ. Соблюденіе этого условія должно быть краеугольнымъ камнемъ устройства православныхъ колоній.

4) Колоніи, какъ уже нами только-что сказано, должны быть на недалекомъ другъ отъ друга разстояніи, чтобы онѣ всегда могли подать другъ другу руку помощи и не подвергнуться поглощенію окружающей массой иновѣрнаго и иноплеменнаго населенія.

5) Для переселенцевъ изъ раскольниковъ не потребуется большихъ расходовъ и хлопотъ. Это большею частью люди зажиточные, съ твердымъ и предприимчивымъ характеромъ, съ поведеніемъ трезвымъ и направленіемъ религіознымъ. При всемъ этомъ у нихъ необыкновенно развитъ духъ товарищества, взаимопомощи, солидарности. Они сами себѣ устроятъ и хаты, и школу, и молитвенный домъ, не нуждаясь въ нашей помощи. Это были бы самые лучшіе колонисты, не только въ культурномъ, но и въ политическомъ отношеніи, какъ они неоднократно это доказали, напр. во время польскаго возстанія въ сѣверозападномъ краѣ, гдѣ они даже среди самаго фанатичнаго населенія жмуди высоко держали знамя своей національности.

6) Для отвода земель колонистамъ необходимо образовать особую комиссію, въ которой должны быть непремѣнными членами, кромѣ землемѣра, врачъ и агрономъ. Мы совѣтовали одному администратору послать такую комиссію для обзора нынѣшнихъ колоній—на удобныхъ ли и на здоровыхъ ли мѣстахъ онѣ поселены. Администраторъ изумился нашему совѣту, а потомъ смутился и сознался, что можетъ быть есть кое-какіе недостатки въ устройствѣ нынѣшнихъ колоній, но теперь ихъ уже поздно поправлять. Мы ему сказали, что поправлять никогда не поздно и что недостатки очень большіе.

7) Необходимо при устройствѣ колоній имѣть въ виду, кромѣ другихъ удобствъ, еще и удобства путей сообщенія и сбыта земледѣльческихъ и другихъ хозяйственныхъ произведеній колонистовъ. Нельзя посадить людей въ глуши, откуда нѣтъ никуда хорошихъ проѣзжихъ дорогъ. Въ такомъ положеніи находятся нѣкоторыя наши колоніи. И есть хлѣбъ и другіе запасы, да некому ихъ сбыть, и оттого колонисты пла-

чутся на свою судьбу и чуть не бѣдствуютъ, не имѣя въ виду никакого улучшенія своего быта.

8) Для колонистовъ необходимо особое управленіе, состоящее изъ людей хорошо знакомыхъ съ дѣломъ колонизаціи, которые могли бы быть руководителями, совѣтниками и защитниками переселенцевъ, особенно на первое время, пока они не ознакомятся съ окружающей ихъ средой, не освоятся съ новыми условіями ихъ жизни и не войдутъ въ общую систему управленія краемъ.

Переселяясь въ новый край, въ новый климатъ, на новую почву, въ новую среду, колонистъ на первое время нуждается въ самомъ внимательномъ къ нему отношеніи. Но это не значитъ, чтобы за нимъ нужно было ухаживать и нянчиться съ нимъ, какъ съ малымъ ребенкомъ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые сантиментальные и недальновидные администраторы. При соблюденіи всѣхъ приведенныхъ нами условій, хорошій колонистъ не потребуетъ себѣ никакихъ милостей, льготъ и привилегій, которыя всегда больше вредятъ, чѣмъ приносятъ пользу, приучая людей надѣяться на чужую помощь, а не на свои собственныя силы нравственныя и физическія. Изъ балованныхъ дѣтей никогда ничего путнаго не выходитъ.

А ИВАНОВЪ.
